

**Е.Г.Гализина, В.Б.Кашкин,
В.В.Переславцева, Я.В.Розенфельд (Воронеж)
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА**

Техника любого перевода – сложный процесс по декодированию текста языка источника и соотнесению его смыслового содержания со средствами языка адресата. При этом следует учитывать закономерности реализации в текстовом массиве каждой из языковых подсистем (лексика, грамматика, стиль, коммуникативные характеристики источника и т.д.), их возможности коррелирования/некоррелирования в разных языках. К вышеуказанным трудностям поэтический перевод добавляет специфику знания о стихосложении в иностранном и родном языках (формирование строфы, рифмование ее строк в зависимости от количества произносимых слогов и ударения, чтение непроизносимого *-e* на конце французских слов, изменение свойственного французскому языку устойчивого прямого порядка слов и т.п.).

Проведенный в Воронежском государственном техническом университете конкурс на лучший перевод иностранного поэтического произведения показал достаточно высокий интерес студентов разных специальностей к этому виду деятельности. Участники конкурса должны были предложить на суд жюри перевод выбранного ими стихотворения зарубежного автора. В самом процессе выбора – много положительных составляющих, мотивирующих интерес к иностранному языку как таковому. Надо было ‘перелопатить’ много стихов разных поэтов, прежде чем остановиться на понравившемся. Здесь срабатывали навыки поискового и просмотрового чтения (ищу что-то, что было бы созвучно моим мыслям и душе), изучающего чтения (останавливаюсь и уточняю значения лексических единиц в ключевых местах выбранного произведения или провожу ‘расшифровку’ какого-то тропа). Предлагаемый перевод стихотворения Виктора Гюго «У ОКНА НОЧЬЮ» – пример зрелого интереса к искусству перевода, основанного на хорошем вкусе выбранного источника.

Автор перевода интересно работает с лексическим наполнением строфы и трактовкой ее содержания. В первой строчке первой строфы в трактовке Гюго звезды (*les étoiles*)

сравниваются с золотыми точками (*les points d'or*), и в поэтическом переводе автор достигает точности передачи смысла источника, используя метафору «звезда = золотая точка».

Оригинально появление понятия *тускло-бледный океан*. Ход поиска лексической единицы таков. У Гюго: *sur l'océan blêmi* «на бледнеющем океане». Поиск уточненного перевода идет посредством анализа значения не только глагола *blêmir* «бледнеть», но и его семьи. В частности, в словарной статье прилагательного *blême* кроме первого значения «мертвенно-бледный» есть и второе – «тусклый». Переводчик, соединяя эти два значения, добивается и полноты выражения, и решает для себя задачу рифмовки, поскольку в прилагательном «мертвенно-бледный» – 5 слогов, а в «тускло-бледном» – только 4.

Далее в строфе сравнение у Гюго осуществляется посредством выражения *avoir l'air: Les nuages ont l'air d'oiseaux* «Облака имеют вид (похожи на) птиц». В переводе нейтрально-статичный, с точки зрения выражения движения, глагол *avoir* заменяется на вносящий во фразу внутреннюю смысловую динамику глагол *лететь*, вполне соответствующий семантико-стилистической норме русского языка: *облака летят как птицы*. Переводчик прибегает не только к смысловому усилению (*иметь* → *лететь*), но и к его ослаблению. Так, в первой строке последней строфы оригинала *du fond des nuits funèbres* «из глубины ночей погребальных (мрачных, заунывных, унылых)» из всех возможных эпитетов выбирается самый слабый по выразительности *унылый*.

Автору перевода свойственно стремление глубоко понять и дать свое переосмысление каждой поэтической строчки Гюго. Вторая строфа начинается словами: *Tout s'en va* «Все проходит» и справедливо переводится: *Жизнь проходит*, так как контекст строфы подчеркивает: *Ничего не могут люди унести с собою в вечность, / Падают лишь час за часом, созерцая бесконечно / Мир, что рушит наше племя*.

Анализ второй строчки этой строфы приводит к выводу о детальной работе переводчика по приданию большей динамики своему переводу, в том числе посредством подбора лексических единиц, устраняющих тавтологию. У Гюго:

La tempête est écumé et la flame est fumée. В переводе кроме усиления: вместо нейтрального, статичного глагола *être*, употребляющегося дважды в настоящем времени оригинала, используются разные по семантике глаголы *превратится* и *обернется*, в будущем времени, что представляет собой своего рода семантическое расширение.

Перевод произведения Гюго, автора-философа и энциклопедиста, требует от переводчика глубоких знаний исторической эпохи, социально-психологической обстановки, в которой он создавал произведение. Сноски свидетельствуют о глубоком прочтении источника и понимании языковых реалий, мифологии и астрономии.

Отдельные фрагменты данной переводческой работы могут быть использованы в лекционно-практическом курсе перевода с французского языка на русский для иллюстрации приемов перевода, особенностей передачи тропов и метафор:

ВИКТОР ГЮГО. НОЧЬ У ОКНА.

1.

*Звезды точками златыми кроны черные пронзают;
Свет их странный, маслянистый ночь муаром¹ разделяет
В тускло-бледном океане;
Облака летят как птицы и все дальше убегают;
Говорит несвязно ветер, он слова во тьму роняет,
Словно человек в дацане².*

*Жизнь проходит. И когда-то прахом все в природе станет.
Буря превратится в пену, дымом обернется пламя.
Все в себя вбирает время,
Ничего не могут люди унести с собою в вечность,
Падают лишь час за часом, созерцая бесконечно
Мир, что рушит наше племя.*

*В мировом круговороте движется ли солнце вечно?
Одинаково ли небо во вселенной бесконечной?*

---

¹ *муар* – плотная шелковая ткань с волнообразными цветовыми переливами.

² *дацан* – ламаистский храм. Первоначально строились высоко в горах Тибета. Туда люди приходили молиться и ‘общаться с космосом’.

Сможет ли таким остаться?
Человек познать способен ли движенья мировые?
И увидеть, как на башни будут те же часовые
Неизменно подниматься?

2.

Ночи, сможете ль такими навсегда остаться с нами?
Будет ли все то же небо над людскими головами?
Что же вечность нам пророчит?
Призраки Альдебарана и Сатурна³ расскажите,
Неужели не увидим как на темно-синем небе
Новые зажгутся очи?

Неужели не увидим вновь рожденных звезд сиянье?
Перед нашим смертным взором своды в чудном одеянье
Заблестают и пилястры
В том соборе, окруженном папертью великолепной,
Где семь факелов полночных озаряют ярким светом
Северный алтарь прекрасный?..⁴
Неужели стих тот ветер, чудо-розы породивший,
Сириус и Орион туманный, и Венеру, что в затишье
Снимет с нас тревоги бремя?
Нежели не увидим, как под этим дуновеньем
Новые цветы рождаются с фантастическим свеченьем
В царстве вечного апреля?

Мир, исполненный загадок, хорошо ли люди знают?
Кто мы, камыши иль черви, что ползут и оставляют
След блестящий за собою?
Мы ничтожны, и сжимают нас неведенья оковы...
А быть может, увенчает завтра Бог тиарой новой
Звездное чело ночное?

---

³ в оригинале используется слово *larve*, что означает «ларвь» – в античной мифологии души умерших не своей смертью, выходящие по ночам из укрытий и пугающие своих обидчиков. В средневековую демонологию слово перешло в значении «призрак». Поэтому в данном случае возможно обобщение синонимов прилагательных, использованных автором применительно к Сатурну и Альдебарану.

⁴ данную строфу можно трактовать, исходя из общего содержания произведения, следующим образом. Собор – ночное небо, семь факелов – Большая медведица, алтарь – Полярная звезда. Также на этот вывод наталкивает перевод слова *septentrion*, которое в данном контексте может означать: 1) полночь; 2) север (поэтич.).

3.

Пламени в устах у Бога неужели не осталось,
Чтоб миры в круговороте вихрей жарких появлялись?
День и ночь⁵, откройте тайну!
Дух его ужель не будет жить в творении священном?
Жажду жизни не раздует в бытии остывшем, тленном
Он дыханием астральным?

Разноцветные кометы тьму вселенной рассекают
И сияньем то ли звезды, то ли души разжигают,
Пронсясь по небосводу.
Может, свет их – отблеск бездны, неизведанной и страшной?
Что несут оттуда эти длиннохвостые бродяжки
Человеческому роду?

Кто из смертных может ведать, где начала и истоки,
И, исследовав всю бездну, возомнить себя пророком,
Повелителем и магом?
Тени жалкие людские, согнутые ветром встречным!
Кто из вас сказать посмеет: «Хватит звезд, ведь это вечность,
Жить не надобно под страхом!»

Эта мысль нас привлекает, но едва ли кто сумеет
Все познать. Из нас кто бросить вызов времени посмеет?
Нет, никто на этом свете.
Под давлением безмерным будут грани расширяться,
А творенье бесконечно жить, расти и размножаться...
Человек тому свидетель.

Да, всего лишь... он свидетель весь от ужаса дрожащий.
Свод небесный полон силы и энергии кипящей,
Словно зверь огромной силы.
Удивительное древо вырастает, изменяясь,
В небесах гигантской ветвью с бесконечностью сплетаясь
Сучьями, что темнокрылы.

Любопытные бродяги, мы живем в угрюмом зданье

---

⁵ в этой строфе производится замена авторского «север и юг» (*Nord et Midi*) на «день и ночь», что логичнее подходит по смыслу. Второе значение слова *Midi* – «полдень». А понятие севера можно ассоциировать с полярной ночью.

---

*С темной стороны ограды, видя только мирозданье.
Бог за нею остается.
Но чело мы обращаем на решетчатые ставни,
Чтоб увидеть сквозь просветы, как в мирах далеких,
Странных
Взгляд таинственный зажжется.*

4.

*Никогда сказать не сможем, что есть наши звезды где-то.
Может, паруса наполнит лучик солнечного света,
Пролетев в одно мгновенье.
Может, завтра наш Создатель, столь великий и ужасный
Соберется, как конструктор, разобрать весь свод на ча-
сти,
Ночи изменив течение.*

*Что мы знаем? Кто же знает, что на горизонте темном
Островочек есть священный, тот, что тайнами напол-
нен,
Средь лесов непроходимых.
Бытия поток забился там, у стен огромных диких.
Может, сквозь просвет увидим, на ночном прекрасном ли-
ке
Тень созданий нелюдимых.*

*Приходящие из бездны, как толпа безумцев, звезды
мечутся, с вершин спускаясь, повисают, словно грозди.
А потом для нас неожиданно
Разлетаются, пылая золотистыми мечтами,
Как при ураганном ветре падает, взмахнув крылами,
Стая птиц на брег песчаный;*

*Появляются внезапно огоньком кристально чистым,
Жарким вихрем из пучины, ярким факелом лучистым
Над высокими горами.
Где-то там, в далекой бездне, за невидимым оконцем
Вспыхнут ангельские звезды, демонические солнца,
Окруженные мирами.*

*Может быть, уже сегодня из глубин ночей унылых,
Поднимаясь на поверхность, бесконечность молчаливо
Принесет свои потоки,
И неведомое море, на волнах легко качая
Из созвездий покрывало красоты необычайной,
Наши небеса затопит!*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г., Ганьшина К.А. Французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1998.
2. Франко-русский словарь активного типа / Ред. В.Г.Гак, Ж.Триомф. М., 1998.
3. Толковый словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1990.
4. Мифологический словарь. М.: «МИКИС». 1993.
5. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
6. Poètes français, XIXe-XXe siècles: Anthologie. М.: Progrès, 1982.

Получено 25.04.2002 Воронежский государственный технический университет